

К вопросу о соотношении видов идентификации и доказательственном значении выводов

Н.П. Майлис

ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», Москва 117437, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрены проблемные вопросы идентификации, касающиеся ее видов, их соотношения, значимости выводов и их доказательственного значения.

Ключевые слова: индивидуальная идентификация, групповая принадлежность, доказательственное значение выводов

Для цитирования: Майлис Н.П. К вопросу о соотношении видов идентификации и доказательственном значении выводов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 28–32.

Concerning the Relationship between Different Types of Identification and Evidentiary Value of Expert Findings

Nadezhda P. Maylis

V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow 117437, Russian Federation

Abstract. The article discusses the issues of identification in terms of its types, the relationship between them, the relevancy of expert findings and their evidentiary value.

Keywords: individualization, group identification, evidentiary value of conclusions

For citation: Maylis N.P. Concerning the Relationship between Different Types of Identification and Evidentiary Value of Expert Findings. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 3. P. 28–32.

Рассматривая вопросы идентификации, мы обращаемся к работам ученых, внесших значительный вклад в ее становление и развитие. Среди них следует выделить имя профессора Р.С. Белкина, деятельность которого неразрывно связана с криминалистикой и всеми ее составляющими. Гениальность Р.С. Белкина состояла не только в развитии и прогнозировании этого важного направления, но и в простоте изложения сложных теоретических понятий, что обеспечивало их понимание.

Научные интересы и спектр изучаемых Р.С. Белкиным проблем были весьма многогранны. Об этом свидетельствуют его многочисленные работы: монографии, главы учебников, научные статьи, написан-

ные единолично и в соавторстве, а также интересные работы литературного жанра. Большое внимание было уделено автором и идентификации, ее видам и доказательственному значению в раскрытии и расследовании преступлений.

Вопросам идентификации в криминалистической литературе уделялось достаточно много внимания. Однако, несмотря на это, остаются многие проблемы относительно понятия видов идентификации и выводов, сделанных исходя из той или иной ее формы.

Идентификация – один из логических методов познания. При ее осуществлении на основе сравнительного исследования устанавливается тождество объекта или

личности по совокупности общих и частных признаков [1, с. 42].

Поскольку теория идентификации разрабатывалась в рамках криминалистики, она приобрела характер криминалистической теории, а сама идентификация – характер криминалистического процесса, т. е. криминалистического средства работы с доказательствами. Поэтому и был принят термин *криминалистическая идентификация*. Наряду с этим в литературе выделялись и другие виды идентификации, обстоятельный анализ которых был проведен Р.С. Белкиным [2, с. 435–437], поэтому подробно мы их не рассматриваем.

В теории судебной экспертизы и в практической экспертной деятельности принято выделять две формы идентификации: индивидуальную и групповую. Как известно, индивидуальная идентификация – это отождествление определенного лица, предмета, который неповторим и отличается от всех других данного рода. Для осуществления индивидуальной идентификации необходимо выявить идентификационный комплекс признаков, которые в своей совокупности являются уникальными, неповторимыми и достаточными для разрешения вопроса о тождестве. Относительно индивидуальной идентификации дискуссионные вопросы, как правило, возникают на этапе формулирования выводов: насколько достаточен комплекс выявленных признаков для категорического суждения? Если же недостаточен, то выводы должны формулироваться в предположительной форме; но тогда возникает следующий вопрос: какую доказательственную силу будут иметь эти выводы?

Что же касается групповой идентификации, то среди ученых продолжают дискуссии как по поводу использования терминологического аппарата, так и по поводу определения ее сущности.

Еще в 50–60-е годы прошлого столетия большинство авторов, уточняя принятое на тот период понятие родовой (видовой) идентификации, пришли к выводу о необходимости замены его понятием *установление групповой принадлежности*. Так, к примеру, Г.М. Миньковский и Н.П. Яблоков указывали на безосновательность употребления термина «групповая идентификация», утверждая, что «объект может быть тождественен только самому себе. В данном случае речь идет о принадлежности объекта к определенной группе, то есть о

его сходстве с некоторыми другими объектами. Поэтому надо говорить об установлении групповой принадлежности» [3, с. 83].

Отрицая родовую принадлежность, А.И. Винберг одновременно отмечал, что если сравниваемые объекты совпадают по родовым признакам, т. е. являются совместимыми, то далее надо переходить к сравнению видовых, более частных, признаков [4, с. 86].

В те же годы немаловажную роль сыграла работа В.Я. Колдина «Идентификация при производстве криминалистических экспертиз» (1957 г.). Автор поднял вопрос о формах отождествления: «Формы идентификации, на наш взгляд, прежде всего зависят от вида отображений, служащих материалом для установления свойств отождествляемых объектов». В.Я. Колдин классифицировал многообразные виды отображений на две основные группы. К первой он относил все материально-фиксированные отображения (следы рук, ног, транспорта, животных, орудий и инструментов, оттиски печатей и штампов, машинописные и рукописные тексты, фотоснимки и т. п.). Ко второй группе – чувственно-конкретное представление, сохранившееся в памяти лица, дающего описание признаков человека или вещи, т. е. отображения отождествляемых объектов в памяти человека [5, с. 8].

Достаточно обстоятельно проблемы криминалистической идентификации и ее виды были рассмотрены Т.А. Седовой [6, с. 36]. Она отмечала, что в теории криминалистической идентификации необходимо использовать только понятия *индивидуальная идентификация* и *групповая идентификация*, которые соответствуют и логическому пониманию тождества и достаточно четко подчеркивают специфику криминалистической идентификации по сравнению с естественнонаучной.

Рассматривая виды криминалистической идентификации, В.Я. Колдин [7, с. 34–37] выделил:

– сигнальную и знаковую идентификацию по форме выражения информации в идентифицирующем объекте;

– идентификацию целостных структур, идентификацию разделенного целого и идентификацию источника (места возникновения) объектов искусственного (изделие) или естественного (организмы) происхождения по форме идентифицируемого

объекта и способу отражения идентификационных свойств;

– родовую, видовую, групповую и индивидуальную идентификацию по уровню индивидуализации.

Своеобразную точку зрения высказывает С.В. Дубровин, выделяя виды криминалистического идентифицирования, а не виды криминалистической идентификации, и подчеркивает, что идентификация – это частная криминалистическая теория. По его мнению, криминалистическое идентифицирование бывает следующих видов [8, с. 13]:

– По материально-фиксированным отображениям признаков. При этом сравнивается идентификационный комплекс признаков проверяемых объектов. Пример – сравнение следа подошвы обуви, обнаруженного и изъятого на месте происшествия, со следом подошвы обуви, изъятой у конкретного лица.

– По признакам общего происхождения (установление «целого по части»). Сущность данного вида идентификации заключается в том, что нужно установить принадлежность отдельных частей единому целому. Пример – сопоставление отдельных обрывков (кусков) ткани или разорванного документа.

– По описанию признаков, если они зафиксированы на материальном носителе (письменное описание) либо с помощью словесной характеристики.

– По мысленному образу объекта, который запечатлился в памяти конкретного лица.

Анализируя определения криминалистической идентификации, сформулированные учеными в разные периоды ее развития, С.В. Дубровин констатирует, что «в настоящее время отсутствует единообразный, ясный и четкий подход к толкованию термина криминалистическая идентификация», и раскрывает его значение в своем понимании. По его мнению, «преобладающим и правильным» будет употребление термина *криминалистическое идентифицирование*, оба термина «не имеют совпадений и наложений» и термин *криминалистическая идентификация* может быть использован только при обозначении частной криминалистической теории. Но, на наш взгляд, попытка автора не внесла должной ясности при рассмотрении терминов криминалистической идентификации.

Таким образом, даже, казалось бы, давно устоявшиеся термины и понятия в судебной экспертизе могут пересматриваться и уточняться, но, конечно, взвешенно и продуманно.

Единогласного мнения среди ученых нет и относительно задачи криминалистической идентификации. Ряд авторов определяют ее как «установление факта тождества» или получение доказательства тождества [9, с. 54; 10, с. 13; 11, с. 104]. Некоторые авторы исходят из того, что задача идентификации состоит в разрешении вопроса о тождестве и, следовательно, идентификация может иметь как положительный, так и отрицательный результат – «установление наличия или отсутствия тождества» [12, с. 410; 13, с. 51; 14, с. 94]. Другие авторы считают, что задачей криминалистической идентификации является разрешение вопроса о том, «не является ли отождествляемый объект искомым, например, не является ли задержанное лицо преступником, приметы которого известны, или не является ли изъятый пистолет тем оружием, которое применялось при совершении расследуемого преступления» [15, с. 38].

По мнению В.Я. Колдина, задача разрешения вопроса о тождестве как непосредственная задача криминалистической идентификации тесно сопрягается с другими задачами доказывания, поскольку отождествление является лишь средством установления объекта, определенным образом связанного с расследуемым событием. Если в результате отождествления такой объект не устанавливается, задачи доказывания нельзя считать разрешенными. В этой связи, чтобы отразить сущность криминалистической идентификации, автор выделяет следующие задачи [16, с. 5]:

1) обнаружение следов лиц и предметов, связанных с расследуемым событием;

2) обнаружение лиц и предметов, которые по обстоятельствам дела могли оставить найденные следы;

3) сравнительное исследование отображенного в следах и имеющегося объектов с целью разрешения вопроса об их тождестве;

4) установление единичного материального объекта, связанного с расследуемым событием;

5) выяснение характера его связи с преступлением.

Задачи, решаемые при установлении тождества, в судебной экспертизе принято классифицировать на идентификационные, диагностические и классификационные. Идентификационные, в зависимости от вида, например, трасологических экспертиз, подразделяются на установление тождества и групповой принадлежности людей, орудий, механизмов и животных, оставивших следы, а также установление тождества целого по его частям. Диагностические задачи способствуют решению идентификационных, они направлены на обнаружение и фиксацию следов, определение их пригодности для идентификации, установление времени и механизма воздействия, которое привело к появлению следов, установление последовательности возникновения следов, свойств исследуемых объектов. Классификационные задачи имеются и среди диагностических, и среди идентификационных. Классификация является инструментом экспертной задачи, а не целью экспертного исследования. В процессе идентификационного исследования при решении классификационной задачи в одном случае проверяемый объект относят к определенному, заранее установленному классу объектов, в другом случае, при отсутствии проверяемого объекта, можно лишь судить об априорно определенной классификационной группе. В процессе диагностического исследования решение классификационной задачи будет направлено на установление того или иного обстоятельства в случае, когда наукой заранее определены классы определенных объектов и состояние исследуемого объекта соответствует одному из них [17, с. 9].

Таким образом, анализ специальной литературы позволяет прийти к следующим выводам.

Индивидуальная идентификация, как правило, устанавливается после выявления совпадающих групповых признаков. Но в ряде случаев, особенно в практике трасологических экспертиз, тождество может быть установлено и без их выявления¹. Установление индивидуальной идентифи-

кации и групповой принадлежности имеет важное значение в раскрытии преступлений. Выяснение их соотношения позволяет правильно оценить выявленные экспертом признаки и способствует объективизации установления новых фактических данных в целях расследования и раскрытия преступлений.

При рассмотрении вопросов о соотношении индивидуальной идентификации и групповой принадлежности важно формулирование выводов. Они должны быть аргументированы и обоснованы. Для принятия окончательного решения эксперт проверяет, все ли методы использованы для решения поставленных перед ним задач, достаточно ли выделено признаков и какова их значимость, какова достоверность полученных результатов. Если устанавливается тождество, то затруднений в оценке таких выводов не возникает. Что же касается выводов о групповой принадлежности, то правоприменители оценивают их по-разному.

В ряде случаев, например, при невозможности решить вопрос о том, что повреждение образовано ножом, изъятым у подозреваемого, т. к. не отобразились частные признаки клинка ножа, формулируется вывод о групповой принадлежности орудия: повреждения на одежде потерпевшего образованы клинком ножа, имеющим такую же форму, размеры и степень заточки, что и нож, изъятый у подозреваемого. Таким же образом формулируются выводы по следам обуви, транспортных средств и др. Если у следователя на момент получения заключения эксперта с такими выводами отрабатывается версия, с которой такие выводы соотносятся, то он их может интерпретировать как выводы об индивидуальном тождестве. Такая же ситуация имеет место и в суде, особенно когда эксперт пишет, что в данном случае имеет место «узкая групповая принадлежность». Безусловно, правоприменителю сложно оценить такой вывод, но эксперт, на основе многих совпадающих признаков, пытается усилить полученные результаты в целях достижения поставленных перед ним задач.

Изложенное подтверждает актуальность поднятых проблем по вопросам, связанным с идентификацией, которые, несмотря на достаточную разработанность, носят дискуссионный характер.

¹ В монографии Н.П. Майлис «Моя профессия – судебный эксперт» 2006 г. [18] описано несколько экспертиз, выполненных автором, в которых индивидуальная идентификация объектов, оставивших следы на месте преступления, была установлена по нескольким частным признакам, без установления совпадающих групповых признаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майлис Н.П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. М.: Юнити-Дана, 2015. 264 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: Юнити. 2001. 837 с.
3. Миньковский Г.М., Яблоков Н.П. Рецензия на учебник «Криминалистика» под ред. А.И. Винберга и С.П. Митричева 1950 г. // Социалистическая законность. 1951. № 7. С. 81–87.
4. Винберг А.И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956. 220 с.
5. Колдин В.Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М.: Госюриздат, 1957. 152 с.
6. Седова Т.А. Проблемы методологии и практики нетрадиционной криминалистической идентификации. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 105 с.
7. Колдин В.Я. Судебная идентификация. М.: ЛексЭст, 2002. 528 с.
8. Дубровин С.В. Терминология, понятийный аппарат и другие характеристики криминалистической идентификации и криминалистической диагностики. М.: МПГУ, 2009. 33 с.
9. Криминалистика / Под ред. С.П. Митричева, Н.А. Селиванова, М.П. Шаламова. М.: Юридическая литература, 1973. 536 с.
10. Сегай М.Я. Методология судебной идентификации. Киев: МВД СССР, 1970. 254 с.
11. Митричев В.С. Вопросы теории судебной идентификации // Труды ЦНИИСЭ. Вып. 2. М.: ЦНИИСЭ, 1970. С. 94–144.
12. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под ред. Г.М. Миньковского, А.Р. Ратинова, В.Г. Танасевича, А.А. Эйсмана. М.: Юридическая литература, 1973. 736 с.
13. Брайнин М. Криминалистика. М.: Юридическая литература, 1968. 687 с.
14. Колмаков В.П. Криминалистическая идентификация как способ доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве // Криминалистика и судебная экспертиза. 1966. Вып. 3. С. 91–101.
15. Криминалистика. Том 1 / Под ред. Р.С. Белкина и Г.Г. Зуйкова. М.: ВШ МВД СССР, 1969. 376 с.
16. Колдин В.Я. Идентификация при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература, 1978. 144 с.
17. Майлис Н.П., Одиночкина Т.Ф., Соколова О.А. Трасология: учебник. М.: Щит-М, 2011. 328 с.
18. Майлис Н.П. Моя профессия – судебный эксперт. М.: Щит-М, 2006. 168 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Майлис Надежда Павловна – д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры оружейведения и трасологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; e-mail: jlmaylis@yandex.ru.

REFERENCES

1. Maylis. N.P. *Theory and practice of forensic examination in proof*. Moscow: Yuniti-Dana, 2015. 264 p. (In Russ.).
2. Belking R.S. *Course of criminalistics*. Moscow: Yuniti. 2001. 837 p. (In Russ.).
3. Min'kovskii G.M., Yablokov N.P. Review of the textbook "Criminalistics" under editorship of. A.I. Vinberg and S.P. Mitrichev, 1950. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist legality*. 1951. No 7. P. 81–87. (In Russ.).
4. Vinberg A.I. *Criminalistic examination in the Soviet criminal trial*. Moscow: Gosyurizdat, 1956. 220 p. (In Russ.).
5. Koldin V.Ya. *Identification by production of criminalistic examinations*. Moscow: Gosyurizdat, 1957. 152 p. (In Russ.).
6. Sedova T.A. *Problems of methodology and practice of nonconventional criminalistic identification*. Leningrad: Leningrad University, 1986. 105 p. (In Russ.).
7. Koldin V.Ya. *Forensic identification*. Moscow: LeksEst, 2002. 528 p. (In Russ.).
8. Dubrovin S.V. *Terminology, conceptual framework and other characteristics of criminalistic identification and criminalistic diagnostics*. Moscow: MPGU, 2009. 33 p. (In Russ.).
9. Mitrichev S.P., Selivanov N.A., Shalamov M.P. (eds) *Criminalistics*. Moscow: Legal literature, 1973, 536 p. (In Russ.).
10. Segai M.Ya. *Methodology of forensic identification*. Kiev: MVD USSR, 1970, 254 p. (In Russ.).
11. Mitrichev V.S. Questions of forensic identification. *Proceedings of TsNIISE*. Issue 2. Moscow: TsNIISE. 1970. P. 94–144. (In Russ.).
12. Min'kovskii G.M., Ratinov A.R., Tanasevich V.G., Eisman A.A. (eds). *Theory of proofs in soviet criminal trial*. Moscow: Legal literature, 1973. 736 p. (In Russ.).
13. Brainin M. *Criminalistic*. Moscow: Legal literature, 1968. 687 p. (In Russ.).
14. Kolmakov V.P. Criminalistic identification as a way of proof in criminal and civil legal proceedings. *Criminalistics and forensic examination = Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza*. 1966. Issue 3. P. 91–101. (In Russ.).
15. Belkin R.S., Zuikov G.G. (eds) *Criminalistic*. Vol. 1. Moscow: VSh MVD USSR, 1969. 376 p. (In Russ.).
16. Koldin V.Ya. *Identification at investigation of crimes*. Moscow: Legal literature, 1978. 144 p. (In Russ.).
17. Maylis. N.P., Odnokhina T.F., Sokolova O.A. *Tracology*. Moscow: Shchit-M, 2011. 328 p. (In Russ.).
18. Maylis. N.P. *My profession is forensic expert*. Moscow: Shchit-M, 2006. 168 p. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR:

Maylis Nadezhda Pavlovna — Doctor of Law, Professor, Distinguished Scientist of the Russian Federation, Professor at the Department of Weapons and Trace Evidence Analysis, V.Ya. Kikiot' Moscow University of the MIA of Russia; e-mail: jlmaylis@yandex.ru.